

Н.А. Непомнящих

**«ОН ВОВСЕ НЕ РЕСТАВРАТОР ПРОШЛОГО...»
[РЕЦЕНЗИЯ]**

С.Н. Дурылин. Рассказы, повести, хроники / Сост., вступ. Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. — 863 С.

С.Н. Дурылин. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. — 895 С.

Рецензия посвящена новому двухтомнику сочинений С.Н. Дурылина (1886–1954), писателю, поэту, философу, богослову, имя которого пока не является широко известным. Т.Н. Резвых и А.И. Резниченко представили научное издание его художественных произведений и работ, сопровождающееся научным комментарием, введением, приложениями, в первом томе — художественная проза, во второй том вошли статьи и исследования об искусстве, литературе, иконописи, не переиздававшиеся с начала XX века.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, русская религиозная философия, русская литература, христианские писатели, образ России в литературе, русская идея.

В первой половине 2014 года в издательстве «Владимир Даль» благодаря многолетней самоотверженной работе и усилиям А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых, а также при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, вышел двухтомник сочинений С.Н. Дурылина (1886–1954). Событие знаменательное не только для отмечаемого в России года культуры, но и вне каких-либо конъюнктурных процессов — это весомый вклад в дело восстановления утраченного после революции 1917 года богатейшего российского культурного наследия. Вышедшие книги не первое издание художественных произведений писателя, поэта, философа, богослова. Однако это первое научное издание его сочинений, дающее как всестороннее представление о нем, так и позволяющее пользоваться текстами С.Н. Дурылина для научно-исследовательской работы. В первом томе представлена проза: повести («Сударь-кот», «Роб-рой», «Хивинка»), рассказы (цикл «Рассказы Сергея Раевского»), хроники («Колокола», «Чертог памяти моей. Записки Ельчанинова»). В Приложении к первому тому изданы тексты еще шесть небольших, ранее

Наталья Алексеевна Непомнящих — кандидат филологических наук, ст.н.с. Института филологии СО РАН, зав.каф. СЭ и ГД ВКИ НГУ, НГУ г. Новосибирск (rainbow_miracle@mail.ru).

не издававшихся рассказов. Во втором томе собраны статьи и исследования разных лет об искусстве, литературе, религиозно-философская публицистика. Все работы либо никогда не издавались, либо стали библиографической редкостью, будучи опубликованными лишь в начале XX века.

К публикации художественных произведений издатели отнеслись щепетильно и тщательно: в том случае, когда сохранились авторские варианты, они также опубликованы и прокомментированы, если где-то из-за плохой сохранности текста невозможно разобрать слово или знак, издатели указывают на этот печальный факт. Все тексты изданы по рукописям, «перебеленным» после 1918 года Дурылиным, убравшим из них излишнюю «архаику», но сохранявшим некоторые устаревшие особенности грамматики, лексики, начертания: советскую реформу орфографии он не принял. Издателями сохранена авторская орфография и другие особенности графики рукописного текста: выделения курсивом, разрядкой, подчеркивания. Для научного изучения эти «мелочи» необыкновенно ценны, ибо позволяют судить о том, что для самого автора являлось наиболее важным, ключевым, на чем он хотел заострить внимание читающего — их можно рассматривать как своеобразный экспрессивный ряд знаков. Такова сугубо утилитарная функция донесенного до нас арсенала авторских помет. Кроме того в отношении С.Н. Дурылина пока в недостаточной степени осмыслен тот факт, что подобные средства, помимо расстановки акцентов, играя роль «проводников» к замыслу и смыслам, могут иметь и чисто эстетическое, изобразительное значение. И старая орфография, и шрифтовое разнообразие — это, помимо прочего, «внешний» лик текста, настраивающий на его внутреннее содержание.

А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых подчеркивают, что сам С.Н. Дурылин настойчиво придерживался старой «несоветской» орфографии, усматривая в ней одну из составляющих «потаённого» языка, что позволяет считать ее одним из значимых компонентов авторской поэтики, тем элементом, без которого эстетическая целостность текста будет разрушена. Надо заметить, что приверженность к определенному оформлению текста, книги в целом, внимательность в этом вопросе — одна из характерных черт книжной культуры рубежа веков и начала XX века, вспомним В.В. Розанова, трепетно относившегося к оформлению и изданию «Уединенного», расцвет автографированной книги, эксперименты футуристов в области визуальной поэзии и другие примеры. Возможно, кому-то может показаться излишним такое информативное отображение подлинника. Написания слов («итти», частица «ли» с дефисом) в не общепринятом, дореформенном виде могут быть непривычны, но речь идет именно о научном

издании наследия Дурылина, которое помогает исследовательскому изучению. При вопиющей российской ситуации с оцифровкой архивных и библиотечных фондов, когда ученые не могут пользоваться цифровыми копиями оригиналов, подобное издание берет на себя миссию донести тексты Дурылина в их первоизданном виде, том самом, какими их мыслил автор. Этот фактор и явился определяющим для концепции двухтомника в целом.

Текстологические принципы издания подробно оговорены в IV разделе обширной вступительной статьи (том 1), несколько замечаний даны и в томе втором, в основу положен подход самого Дурылина: «Текстологические принципы тома определялись исходя из рекомендаций, данных Дурылиным в статье «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» (1913), ставшей одной из первых русских работ о тексте: не нарушать «звуковую наличность» языка, не «разрушать неприкосновенность созданного поэтом». Все выделения авторского текста разрядкой, курсивом, подчеркиваниями, написание текста прописными или строчными сохранены, так же, как и подстрочные дурылинские примечания; во всех случаях учтены и оставлены без изменений авторские особенности написания имен собственных и ряда терминов, а также стилистика и особенности пунктуации. Вписанное автором поверх строки заключено в квадратные скобки, угловые скобки обозначают границы необходимых конъектур. В случае, когда то или иное слово из-за плохой сохранности текста расшифровано предположительно, рядом с ним стоит вопросительный знак»¹.

Объемное введение «Метафизическая проза С.Н. Дурылина. Истоки и параллели» за совместным авторством А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых нельзя назвать обычным предисловием, дежурно предваряющим сочинения автора. Написанное на основе архивных разысканий, а также ряда ранее опубликованных научных статей, оно не только дает общее представление о фигуре Дурылина и его месте в кругу современников, но и являет собою полновесную научную интерпретацию его творчества. В первой части, с этикетною оговоркою на то, что «претендовать на полноту изложения всех сюжетных линий (биографии)» авторы «не берутся», они отсылают к внушительному списку публикаций, касающихся биографии и творчества Дурылина, а затем представляют читательскому взору совершенно уникальные архивные материалы, касающиеся сотрудничества Дурылина с Московским Религиозно-философским обществом. Из выдержек хроники докладов, часть которых была впоследствии опубликована, видно,

---

¹ Резниченко А.И., Резвых Т.Н. От составителей // С.Н. Дурылин. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 9.

что Дурылин на протяжении с 1912 года вплоть до 1918 года регулярно участвовал в заседаниях общества, причем неоднократно как докладчик. Вот, например, тема его доклада от 29 апреля 1918 года: «Апокалипсис и Россия». Вспомним «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова, созвучие и перекличка здесь отнюдь не случайны — Дурылин был не просто знаком, он упомянут в завещаниях Розанова. Их переписка пока не опубликована, это дело будущего. Ведь восстановление полной всеобъемлющей картины интеллектуальной, духовной, религиозной жизни эпохи невозможно без обращения к фигуре Дурылина, его сочинениям. Это имя стоит в одном ряду с именами В. Розанова, П. Флоренского, С. Булгакова, Е. Трубецкого, Н. Бердяева и других.

«Как участник ряда дискуссий» Дурылин сотрудничал с бердяевской Вольной Академией Духовной Культуры. В 1922 году был арестован и выслан в Челябинск, так начинался его «период странствий», совпавший, по замечанию комментаторов, с периодом расцвета Дурылина-прозаика: ссылка в Томск, Владимирская тюрьма... и это лишь некоторые из подробностей, представленных читателю! Т.Н. Резвых и А.И. Резниченко подробно и скрупулезно восстанавливают детали биографии, прослеживают, как те или иные события вплетаются в творчество. Путь к публикациям для Дурылина был закрыт, то есть произведения заведомо писались им «в стол», для себя, для того, чтобы быть написанными. Это была некая необходимость мыслить, жить в слове, причем не столько с целью само- или художественного выражения, сколько с вполне осознаваемой миссией донести до читающего определенное мирозерцание и миропонимание, представить в оболочке художественных произведений «умозрение» в слове. Словесная палитра его красок весьма сдержана, здесь нет ярких, драматичных, экспрессивных «мазков», сочной речи, неординарности выдающихся героев, словом, ничего необычного, внешне эффектного. Окраску словесной ткани его произведений можно сопоставить с палитрой картин Нестерова — вот еще одна фигура значимая не только в истории русского искусства и мысли, но и своим переплетением с судьбою Дурылина.

Как и на полотнах Нестерова, в книгах Дурылина возникает образ утраченной Святой Руси. В них видны «проступающие», проявляющиеся сквозь словесную канву сюжеты семейных хроник С.Т. Аксакова, столь же избыточные пространно-описательными поэтическими подробностями быта, как, например, рассказ о подготовке к ежегодной поездке к тетушке в монастырь в начале повести «Сударь-кот». Неспешное повествование, подробные описания погружают в атмосферу инобытия, где мир замкнут и словно живет в ином времени и про-

странстве — не в абстрактном прошлом, но в личной памяти, письменно фиксируемой, и тем самым оставаясь в вечности. Здесь, несомненно, ошутима лесковская традиция, для которой весьма существенными оказываются «мнемонические элементы поэтики»: «Если говорить о мнемонической поэтике Лескова, то она, разумеется, восходит не столько к собственно мнемонике как технике запоминания или «искусству памяти», сколько к сократовско-платоновскому пониманию памяти как духовной способности человека извлекать из своего сознания, «припоминать» сущности вещей. Вместе с тем одна из творческих целей Лескова-художника — внедрить эти сущности в сознание читателя — достигается им с определенностью и точностью мнемониста, владеющего арсеналом мнемотехники»². Примечательно, что это глубинное свойство лесковского художественного письма, к пониманию которого исследователи приблизились лишь в начале XXI века, Дурылин ощущал уже в начале века XX-го: «Творить для Лескова всегда значит вспоминать. Образам жизни должно отойти в прошлое, минуя настоящее, для того, чтобы Лесков увидел их глазами художника...»³ То же самое можно сказать и о самом Дурылине, буквально повторив его слова о Лескове: «Он вовсе не реставратор прошлого... для него нет прошлого в смысле чего-то законченного, остановившегося, неподвижного: оно у него — настоящее, и он относится к нему как настоящему: как художник он захвачен им, он деятельно его переживает, он страстно и напряженно им дышит...» (Т. 2, С. 446–447).

Любопытно наблюдение авторов вступительной статьи: действие в дурылинских произведениях чаще всего происходит в провинциальном монастыре или уездном городе подле монастыря — «в закрытом социокультурном пространстве», а элементы этого пространства, как и его «герои, люди и животные (архимандриты, архиереи, генералы, купцы и податные инспекторы; птицы, пчелы, коты и мыши) — являются, по сути, не предметами и персонажами (и отнюдь не собирательными образами), а *архетипами* персонажей и предметов, его символами и эмблемами, той сферой *realia*, без которой нет *reatora*: парадигмы

---

²Евдокимова О.Е. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетей, 2003. С. 19–20.

³Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 438. Далее цитаты из сочинений С.Н. Дурылина приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома (1 — художественная проза, 2 — статьи) и страниц.

бытия и вещей»⁴. Дурылин словно «моделирует», создает свой собственный мир и миф об ушедшей России. Он не одинок в своем «поиске утраченного времени»: «Лето Господне» И.С. Шмелева, рассказы и другие тексты И.А. Бунина периода эмиграции, ранние произведения Л.М. Леонова — в этом ряду. Для каждого из них очень важной становится категория памяти. Но если у Бунина периода эмиграции воспоминания о России всегда преломлены через личную трагедию, чаще всего неразделенности и конечности любви, а любовь к родине столь же поэтична, лирична, как ностальгия по ушедшей молодости, хронотоп «усадебен», то у Дурылина личное неотделимо и почти всегда составная часть большего целого — семьи, дома, монастыря, города, соборного мира России.

Каждый его новый сюжет являет собою рассказ о прошлом России, где, несмотря на присущую ему порою трагичность, создается светлый миф, художественная модель, последовательно и реконструкторски воспроизводимая автором — «идея» России, куда он бежит от существующей постреволюционной реальности. Вторят художественно сотворенному образу России слова статей и заметок: «Чему учит московский Кремль», «Церковь Невидимого Града, сказание о Граде Китеже» и другие. Вот почему приобретает значение даже старая орфография, которой он настойчиво следовал. Этот замкнутый мир должен был сохранить исчезнувшее не только в его вещной сущности, но в его подлинной идейной сути: «Отсутствие сюжета (статичный сюжет) продиктовано символическим содержанием прозы — плоскость действия разворачивается не в сфере «видимого бытия», а в сфере «незримого» и «умопостигаемого»: области «брани духовной» бесов и ангелов за душу человеческую. Проза Дурылина есть способ выражения философских и богословских по преимуществу тем... Такая форма есть протест против традиционного языка «штудий», поиск нового языка, новых интуиций»⁵. Недаром сам Дурылин считал, что «Достоевский своим романом больше сделал для православия, чем богословы десятками томов, ибо его прочли все» (Т. 1, с. 21).

Однако читателю для того, чтобы насладиться чтением дурылинских произведений, вовсе не обязательно знать всю их подноготную, поскольку рассказы и повести будут прекрасно восприниматься всеми, кто любит русскую классическую литературу, кто ценит в книге ясный стиль, чудесный язык, интересный сюжет, тщательность описаний и точность деталей. И потому издание смело

---

⁴Резниченко А.И., Резвых Т.Н. Метафизическая проза С.Н. Дурылина. Истоки и параллели // Рассказы, повести, хроники. СН. Дурылин. / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 20.

⁵Резниченко А.И., Резвых Т.Н. Метафизическая проза С.Н. Дурылина. С. 21.

можно рекомендовать не только профессионалам, но и самому широкому кругу читателей.

Отдельно стоит сказать о публикации статей и работ Дурылина об искусстве и русской литературе. Во втором томе представлено более пятидесяти его исследований. В первом разделе «О России и будущих путях искусства» опубликованы статьи и заметки 1913–1915 годов на разные темы: «Искусство и ребенок», «Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака», «З.Н. Гиппиус: Лунные муравьи. Рассказы», «О лирическом волнении», «О жизни Лао-Си. Понятие Тао у Лао-Си», «Цветочки» святого Франциска Ассизского», Древнерусская иконопись и Олонецкий край», «Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства», «Церковь Невидимого Града. Сказание о граде Китеже», «Луг и цветник. О поэзии Сергея Соловьева», «Душа Бельгии». Второй раздел «За полуночным солнцем» составляют восемь очерков о русском Севере. Названия последующих разделов не менее любопытны: «Судьба Лермонтова», «Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия», «Церковь и возрождение», «Заметки о Нестерове (Впечатления, размышления, домыслы)», «Работы 1920-х годов», а в Приложении ко второму тому впервые опубликованы сонеты Дурылина, написание которых его вдохновил русский Север, и переиздана заметка о Л. Семенове «Бегун».

Примерно половина статей — это работы о литературе, назовем лишь некоторые персоналии, упомянутые в заголовках: М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Ф.И. Тютчев, А. Добролюбов, Бодлер. Он пишет о связи литературы и живописи: «Репин и Гаршин (из истории русской живописи и литературы)», о киммерийских пейзажах М.А. Волошина — это речь, произнесенная на открытии выставки акварелей поэта, о «Тютчеве в музыке», не прошел Дурылин «мимо» Вагнера, его статья о Вагнере в России достойна отдельного обзора, как и его работа о живописи Нестерова. Отдельное место среди исследований занимают работы об иконах, иконографии, иконописцах, иконопочитании. Даже краткие дурылинские заметки всегда основательны. Так, например, статья «Древнерусская иконопись и Олонецкий край» сопровождается «Описанием коллекции музея общества изучения олонечкой губернии»; к статье о граде Китеже прилагается «Список книг и статей, касающихся сказания о граде Китеже». Хочется отметить колоссальную работу, сделанную издателями: помимо повестей, рассказов, хроник, исследований и статей ими изданы поэтические произведения Дурылина, а к некоторым текстам прилагаются имеющиеся ав-

торские варианты. Много найдено, собрано по крупицам, все статьи и работы, вошедшие во второй том, не переиздавались с начала XX века.

Одной из самых значительных и весомых как по объему, так и содержательно, является работа Дурылина о Лескове: «Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия». Видимо, ощущая внутреннюю созвучность своей и лесковской поэтик, он делает столь замечательные наблюдения и открытия, к которым профессиональное литературоведение и критика придут лишь в конце XX — начале XXI века, когда творчество Лескова начнет снова анализироваться с учетом всех значимых для него идейных и мировоззренческих основ и координат. И в первую очередь, с учетом его религиозных взглядов, отношения к религии, православию и христианству в целом. Темы «Лесков и Христианство», «Лесков и разное верие» и в целом непростое отношение писателя к религии становятся предметом все большего числа современных исследований, вызывают не только профессиональный, но и возрастающий широкий интерес. В контексте пристального внимания к этой стороне творчества и жизни Лескова работа Дурылина важна и нужна. Он одним из первых обозначил те «болевые» точки лесковского мировоззрения, о которых потом будут писать: «...*антиномичность* религии и христианства у него выражается с исключительной силой» (Т. 2, с. 357). К сожалению, даже сейчас, когда книга вышла, разговор о Лескове и христианстве иногда ведется без оглядки на вдумчивые наблюдения и ценные размышления Дурылина по теме.

Кое-что из сказанного Дурылиным кажется до боли знакомым: «В биографии Лескова обычно признаются две его измены: нигилизму и православию. Первому он изменил, перейдя к Каткову, второму — к Льву Толстому; улики первой измены «На ножах», второй — «Полунощники» и толстовствующие сказки. Но Лесков никому и никогда не изменял в действительности; он только был Лесковым». (Т. 2, с. 344). Тем более удивительно, что столь современно звучащие размышления Дурылина о Лескове относятся к 1913 году, когда им был сделан доклад на закрытом заседании Общества памяти Вл. Соловьева. Впоследствии было еще несколько докладов о Лескове, его судьбе и творчестве. Издательство «Путь» предложило Дурылину написать монографию о писателе для серии «Русские мыслители», к сожалению, революция помешала осуществлению замысла. В 1916 году была опубликована вторая часть доклада «О религии Лескова». Он сам вспоминал, что эти материалы имели одно время успех и о них говорили как об открытии Лескова. Присоединимся к этим справедливым оценкам современников Дурылина. Издатели собрали все имеющиеся архивные

дурылинские материалы о Лескове, дали подробный научный комментарий, что делает публикацию поистине бесценной как для изучающих дурылинское творчество, так и для тех, кто пишет о лесковском.

Язык Дурылина — это почти утраченный ныне литературою ясный, кристально чистый русский язык. Когда Дурылин пишет о Лескове, он словно поддается известному лесковскому пристрастию к словотворчеству, но не злоупотребляет им: «Лесков не простец, но *утонченник* стиля, но это потому, что утончена, многообразна, *многоличинна* русская речь и русский язык⁶ (Т. 2, с. 343). Но самое главное, что Дурылину близко в Лескове — это его взгляд на Россию: «И есть одно, что усиливает трудность подхода к лесковской обдержности, к его про стыне и жесточи, к его аггелу и ангелу: в его алчной неуёмности есть нечто от неуёмности родившей его России, его про стынь и жесточь — не совсем *его*: они — про стынь и жесточь России, его аггелы и ангелы стоят за плечами одного Лескова: — они и за плечами России. Он крепок и болен, как Россия» (Т. 2, с. 335). По форме и образности высказывание перекликается со строками Розанова: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез, их пререkanie — моя жизнь» («Уединенное»).

Дурылина захватывает лесковское художественное видение: «Когда говоришь о Лескове, часто теряешься, забываешь, о ком говоришь: о нем или о ней, о Лескове или о России <...> «Рабий зрак своего народа» Лесков рассмотрел не хуже других, но он лучше других увидел, что в нем «сквозит и тайно светит». Реальную Россию, о которой он говорил: повсюду была юдоль плача, голод ума, голод сердца и голод души. И тогда уже всякий голод!» («Юдоль») — Лесков знал не хуже Салтыкова-Щедрина: его живой, острый, емкий ум хранил множество холодных наблюдений над нею, но у него были и заметы сердца об иной, реальнейшей России, в которой были страдатели не только дольнего города, но и Взыскуемого Града. «Я дал читателю положительные типы русских людей», — говорил Лесков, и это правда: лесковские праведники, встреченные им на всех путях и тропах народной жизни, — конечно, те самые праведники, которыми стояла русская земля. Не поверить тут Лескову — значит, прийти к невероятному заключению, что вся Россия исчерпалась чиновниками, героями Щедрина и мужиками Успенского, значит признать ложью тютчевскую Русь, — Русь преподобного Серафима, Русь старца Зосимы, и признать единой истинной Российской империю городничих, Чичиковых и Держиморды» (Т. 2, с. 336–337). Дурылину особенно дороги образы праведников, важны то добро и свет, которые несут его необыкновенные герои, для него именно они воплощают и олицетво-

---

⁶Курсив в данном случае — наш.

ряют собою истинную суть христианства: «Величайшая заслуга Лескова — эта его Божественная легенда. У него сложена целая повесть русской веры, дополняющая такую же повесть Достоевского. У него все верят, но верят так же многого, своеобразно, сведумно, своемучительно, как верил сам Лесков» (Т. 2, с. 353).

Остается только сожалеть, что столь блистательно начатая работа в силу многих обстоятельств не была доведена автором до логического конца. Однако и то, что он успел написать о Лескове, столь глубоко, выразительно, пронизательно, что и теперь представляется важным для понимания особенностей не только лесковской поэтики, но и лесковских взглядов относительно христианства и религии.

Если работа о Лескове долгие годы была неизвестна, и «не отзывалась» в трудах отечественных ученых, то ситуация с работой Дурьлина «Об одном символе у Достоевского (опыт тематического обзора)» совершенно иная. Последовательно проведенный им анализ символики косых закатных лучей, солнечного света, внезапного луча солнца в романах Достоевского, его частные наблюдения и общие выводы — всё это давно проникло в поле филологического зрения и кочует из работы в работу, но без указания на авторство Дурьлина. И причин тому несколько. Впервые статья была опубликована в 1928 году. Первоначально она прочитана как доклад в Академии художественных наук, «в Комиссии по изучению Достоевского в сезон 1926–27 гг., и напечатана с искажениями, в сборнике «Достоевский» (Т. 2, с. 886). Причем опубликована она с искажениями и сокращениями, влияющими на цельность концепции. Так, «из текста вовсе выпала песнь о «Свете Тихом», которая является ключом к познанию закатных символов в «Подростке», «Идиоте» и «Карамазовых» (Т. 2, с. 886).

Именно Дурьлин впервые обратил внимание на замечание А.Г. Достоевской: «Длинные косые лучи заходящего солнца часто встречаются в произведениях Федора Михайловича, как наиболее им любимые часы дня» (2, с. 778). Он заметил в фельетоне 1847 года и назвал основную «пейзажную тезу и анти-тезу: 1) пейзаж с туманом и мраком и 2) пейзаж с контрастными косыми лучами», — и проследил ее развитие и значение в «Петербургской повести», «Преступлении и наказании», «Записках из подполья», «Хозяйке», «Слабом сердце», «Белых ночах», «Униженных и оскорбленных», «Идиоте», «Братьях Карамазовых», «Подростке», «Смешном человеке» и даже письмах писателя. Он много цитирует, анализирует связь между отрывками о закатных часах и лучах солнца в разных произведениях Достоевского, делает вывод о «психологической»

и «онтологической точности, верности, прочности его символа, занимающего такое большое место в его искусстве»: «Символ заката и косых лучей дан Достоевским с величайшей ёмкостью и многосторонностью. Его высшая добротность именно как художественного символа, а не как аллегории — поэтому вне всякого сомнения. Во всех аспектах он оказывается эстетически прекрасным, действенным и творчески оправданным. Выражая *realiōga* не умаляет ничем *realiā*» (Т. 2, с. 802–803).

Таким образом, основательно, последовательно и впервые образ был исследован именно Дурылиным. И хотя с 1928 года статья не переиздавалась, ее идеи оказываются известными отечественному исследователю, но в несколько сокращенном и переработанном виде: сжатый, более сухой по стилю, однако почти совпадающий в цитатах, интерпретациях и выводах вариант этой статьи Дурылина можно найти в книге А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство»⁷ (глава VI «Многомерность символа в его системном отношении к логике жизни» раздел 7 «Достоевский»). Замечено также, что в комментариях к различным изданиям произведений Достоевского образ «косых лучей» интерпретируется, почти дословно совпадая с «лосевским» текстом, а в конечном счете — с текстом Дурылина⁸. Непонятно другое: почему сейчас огромное количество филологов, аспирантов, студентов, диссертантов, исследователей стремятся выдать наблюдения, посвященные закатным лучам солнца в произведениях Достоевского, за свои оригинальные идеи, не ссылаясь ни на Лосева, ни на Дурылина? В том, что плагиат имеет массовый характер, можно легко убедиться, просто набрав в поисковике ключевые слова. Нет смысла «пиарить» тексты и повышать цитируемость подобных авторов, поэтому ссылаться на их «труды» не будем, однако считаем необходимым выразить обеспокоенность самим фактом, поскольку подобные изыскания и сейчас свободно публикуются даже в столичных филологических журналах пресловутого списка ВАК, а не только в коммерческих банках данных рефератов и курсовых. Издание сочинений Дурылина может содействовать восстановлению исторической справедливости.

---

⁷ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

⁸ См., например: ...ярко, светло от последних косых лучей заходящего солнца... — Косые лучи заходящего солнца — образ, часто встречающийся в произведениях Достоевского, глубоко психологический символ. В этот час обостряется душевное состояние его персонажей, и вызванная им тоска способствует нравственному очищению героев. / «Неточка Незванова». Комментарий // Сайт издательства «Просвещение»/ Электронный ресурс / Ф.М. Достоевский. Избранное: «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова». Серия «Школьная библиотека» / Комментарий. Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/lib/42_Dostoevskii_Izbrannoe/8.html Дата обращения: 28.11. 2014.

вости в данном вопросе и закрыть путь к бесконечным спекуляциям на вдумчиво исследованную и прекрасно изложенную им тему.

Думается, что новый двухтомник С.Н. Дурылина, помимо широкого читателя, будет по достоинству оценен профессиональным научным сообществом. Обе книги незаменимы в деле филологического и философского образования, их можно и нужно рекомендовать всем изучающим историю русской философии и историко-литературный процесс начала XX века, также оба тома, несомненно, будут востребованы в процессе научно-исследовательской работы. Можно с полным правом сказать, что без знания о С.Н. Дурылине наши представления о русской философской мысли, литературе, живописи, искусстве и в целом культуре конца XIX — начала XX вв. будут уже неполными.

Источники и литература

1. *Резниченко А.И., Резвых Т.Н.* От составителей // *С.Н. Дурылин. Статьи и исследования 1900–1920-х годов.* / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014.
2. *Дурылин С.Н.* Рассказы, повести, хроники / Сост., вступ. Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. — 863 С.
3. *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920-х годов. / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. — 895 С.
4. *Евдокимова О.Е.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2003.
5. *Резниченко А.И., Резвых Т.Н.* Метафизическая проза С.Н. Дурылина. Истоки и параллели // *С.Н. Дурылин. Рассказы, повести, хроники* / Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014.
6. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
7. «Неточка Незванова». Комментарий // Сайт издательства «Просвещение»/ Электронный ресурс / *Ф.М. Достоевский.* Избранное: «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова». Серия «Школьная библиотека» / Комментарий. Дата обновления: не указана. Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/lib/42_Dostoevskii_Izbrannoe/8.html Дата обращения: 28.11. 2014.
8. Lib.ru / Современная литература. Электронный ресурс. Дата обновления: 30.05.2012. Режим доступа: http://lit.lib.ru/b/below_a_n/diplom_fmd.shtml Дата обращения 28.11.2014.